

КРАТНОСТЬ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ И СРЕДСТВА ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Исследование выполнено при поддержке Фонда Президента РФ,
грант НШ-3433.2010.6 «Петербургская школа функциональной грамматики»

*Статья включается в то направление функциональной грамматики (грамматика функционально-семантических полей и категориальных ситуаций), которое разрабатывается Санкт-Петербургской аспектологической школой и представлено работами А. В. Бондарко и его учеников. Статья посвящена описанию важнейшего компонента количественной аспектуальности — кратности глагольного действия. Особое внимание уделяется средствам выражения этого значения в русском языке. К ним относятся различные частные видовые значения форм совершенного и несовершенного видов, способы действия (многократные глаголы типа **хаживать**, **едать**, семельфактивные — типа **стукнуть**, **ахнуть** и т. д.). Значение кратности находит выражение в значении наречий и обстоятельственных слов.*

Ключевые слова: функциональная грамматика, аспектуальность (количественная и качественная), вид, способ действия, повторяемость (конкретная и узуальная), временная локализованность / нелокализованность действия.

MULTIPLICITY OF VERBAL ACTION
AND MEANS OF ITS EXPRESSION IN MODERN RUSSIAN

*This article joins in the stream of Functional Grammar (the grammar of function-semantic fields and the grammar of categorial situations) that has been developed by Saint Petersburg aspectological school and is represented by the works of A. V. Bondarko and his disciples. The most important component of quantitative aspectuality is described — the multiplicity of verbal action. A special attention is paid to the means of expressing this phenomenon in the Russian language. They include various particular aspect meanings of the forms of perfective and imperfective aspects, the modes of action (frequentative verbs such as *хаживать*, *едать*, semelfactive verbs such as *стукнуть*, *ахнуть* etc.). The meaning of multiplicity finds its expression in the meaning of adverbs and adverbial words.*

Keywords: functional grammar, aspectuality (quantitative and qualitative), aspect, way of acting, iteration (concrete and usual), temporal localization/non-localization of action.

Аспектуальные значения, как не раз отмечалось в лингвистике, чрезвычайно разнообразны. Еще А. М. Пешковский отмечал, что «категория вида обозначает, как протекает во времени или как распределяется во времени тот процесс, который обозначен в основе глагола» [7, с. 105]. Характер протекания действия и особенности его распределения во времени могут оцениваться по разным критериям, что приводит к созданию многоуровневой классификации.

Ю. С. Масловым выделены два типа аспектуальности: 1) качественная и 2) количественная (см. [5, с. 4–44]).

Качественная аспектуальность охватывает такие семантические оппозиции, как: 1) динамика / статика, т. е. противопоставление процесса состоянию или статическому отношению; 2) действие предельное, направленное на достижение внутреннего предела / действие не предельное, не направленное к пределу; 3) предельное действие, достигающее своего предела / действие, хотя и направленное к пределу, но рассматриваемое в той фазе, когда предел еще не достигнут.

В отличие от качественной количественная аспектуальность «характеризует действия и состояния по иным критериям, а

именно: 1) по количеству «крат» или непрерывности / прерывности осуществления, 2) по степени длительности и 3) по степени интенсивности» [5, с. 18].

Нас интересует первый критерий количественной аспектуальности, по которому Ю. С. Маслов выделяет однократные (разовые, «монотемпоральные»), многократные (повторяющиеся, «политемпоральные») действия и состояния — с дальнейшими подразделениями в зависимости от ограниченности / неограниченности и регулярности / нерегулярности повторений; наконец, постоянно наличные, всегда существующие состояния и отношения (типа *Земля вращается вокруг Солнца*).

Кратность — важнейший компонент количественной аспектуальности — воплощается в русском языке в различных частных видовых значениях форм СВ и НСВ, выступает в качестве способов действия (многократные глаголы типа *хаживать*, *едать*, семельфактивные — типа *стукнуть*, *ахнуть* и т. д.), находит лексическое выражение в значении самого глагола, а также с помощью наречий и обстоятельственных слов.

Детальный анализ кратности глагольного действия как особого функционально-семантического поля в группировке полей

аспектуальности представлен в работах В. С. Храковского (см. [13; 14]). По его мнению, семантический признак кратности (множественности) ситуаций реализуется как совокупность двух сопряженных значений: однократности (единичности) и неоднократности (множественности). Эти значения соотносятся не только с глагольной лексемой, но и с иными контекстуальными показателями, а также с общей ситуацией, выражаемой в предложении, то есть речь идет об особом типе категориальных ситуаций кратности.

Значение кратности (множественности) в разных контекстах выступает в том или ином варианте. В. С. Храковский предлагает свою классификацию этих вариантов, в основу которой положены два семантических признака. Каждый из них принимает по два значения.

Признак I: значение Ia — множество повторяющихся ситуаций осуществляется в один период времени; значение Ib — каждая из повторяющихся ситуаций, входящих в множество, осуществляется в свой отдельный период времени. Этот классификационный признак указывает на принципиально важную роль взаимосвязи между множеством ситуаций и периодами времени, в которые эти ситуации осуществляются.

Признак II: значение IIa — в каждой из повторяющихся ситуаций, входящих в множество, участвуют тождественные наборы актантов; значение IIб — в каждой из повторяющихся ситуаций, входящих в множество, участвуют не полностью тождественные наборы актантов. Данный классификационный признак указывает на принципиально важную взаимосвязь множества ситуаций с составом участников (семантических актантов) каждой из ситуаций, входящих в множество.

Комбинации указанных классификационных признаков представлены в следующих семантических типах множества ситуаций.

1. **Мультипликативный** (конечный, собирательный) тип, локализованный во времени (например, *Больной кашлял всю ночь; Мальчик несколько минут стучал в окно*), характеризующийся признаками Ia, IIa.

2. **Дистрибутивный** (конечный, собирательный) тип (например, *За неделю лисица перетаскала соседских цыплят; Сегодня он раздаст долги*), характеризующийся признаками Ia, IIб.

3. **Итеративный** (бесконечный, дискретный) тип, не локализованный во времени (например, *Мальчик каждый год ездит к бабушке; Больной кашляет по ночам*), характеризующийся признаками Ib, IIa.

Обратим внимание на тот факт, что в предложенной схеме нет действий ограниченно-кратных (*Я дважды обращался к нему*), суммарных (*Я три раза выстрелил в воздух*), повторных (*Я опять обратился к нему*), прерванных и возобновленных (*Работы на стройке возобновились*). Не попадают в классификацию и действия постоянные (*Земля вращается вокруг Солнца*).

Ограниченная кратность близка в одних ситуациях к конкретно-процессному значению, в других — к обобщенно-фактическому значению, в котором дезактуализируется противопоставление единичности / многократности. Суммарное значение является производным от конкретно-фактического: сумма произведенных действий интерпретируется как единый конкретный факт. В ситуациях повторного и прерванного действия доминирующим оказывается значение единичности. Значения повторного, а также прерванного и возобновленного действия близки к значению ограниченной кратности. Они не характеризуют ситуацию как множественную, неограниченно повторяющуюся, а лишь указывают на связь некоторой конкретной ситуации с другими. Важным оказывается и тот факт, что в русском языке отсутствуют собст-

венно грамматические и лексико-грамматические средства выражения повторности и прерванности действия. Указанные значения связаны в первую очередь с лексическими показателями типа *вновь, опять* и т. п. Ситуации постоянного действия не обладают признаком множественности, актуальным для классификации В. С. Храковского.

Наиболее эксплицитно множественность действия представлена в ситуациях итеративности, представляющих бесконечную повторяемость действия, не локализованного во времени.

Итеративность делится на: 1) простую (конкретную) и 2) обычную (узуальную) повторяемость. Рассмотрим эти типы подробнее.

1. **Простая повторяемость.** В значении простой повторяемости отражается ряд конкретных явлений действительности, наблюдаемых в определенный момент или отрезок времени, то есть речь идет о неограниченной повторяемости действия в рамках конкретного эпизода. Ср. известный пример А. М. Пешковского: «...*посмотрите, что делает заяц: то вскочит, то ляжет, то перевернется, то подымет уши, то прижмет их*». В ситуациях простой повторяемости, таким образом, сложно взаимодействуют значения неограниченной кратности (доминирующее) и конкретности, ограниченности рамками одного эпизода (фоновое).

Е. Х. Люшинская считает, что конкретно-повторяющиеся действия «находятся как бы на стыке полярных значений Л и НЛ, соединяя в себе черты конкретности и обобщенности. Так, по сравнению с однократным действием, которое соотносится с одним моментом восприятия, конкретно-повторяющиеся действия представляют собой уже определенную ступень отвлечения от единичной ситуации, лежащей в основе однократного действия, и воспринимаются с ряда точек на линии времени, от-

ражая обобщенность конкретных действий. С другой стороны, они воспринимаются с определенной суммы точек, соотнесенных с определенной суммой конкретных фактов, прикрепленных к конкретному временному периоду, выражая тем самым значение локализованности» [4, с. 89]. Локализованной считает простую (конкретную) повторяемость и В. С. Храковский (см. [13]).

Соглашаясь с выводом Е. Х. Люшинской о переходном характере простой повторяемости с точки зрения Л/НЛ, мы тем не менее полагаем, что простая повторяемость, не имеющая внутреннего ограничения, является одним из типов НЛ. Выделение простой повторяемости в один из типов НЛ, анализ отдельных высказываний, передающих значение неограниченной повторяемости действия в рамках конкретной ситуации, требуют четкого разграничения повторяемости действия в целом и повторяемости отдельных актов одного и того же действия. Речь идет, по сути дела, об оппозиции повторяющихся действия, противопоставленных по признаку внешней / внутренней кратности, о противопоставлении двух значений: собственно повторяемости (итеративности) и многоактности (фреквентативности, или мультипликативности).

Значение многоактности заключено в реальном значении глагола, действие которого состоит из ряда одинаковых воспроизводимых актов; это значение выражается многоактным способом действия (СД). Значение же простой повторяемости передается формами глагольного вида, функционирующими в определенном контексте.

Критерии разграничения многоактности и простой повторяемости с достаточной точностью не определены. Основная причина такого положения кроется в отсутствии общепризнанного статуса простой повторяемости как разновидности собственно итеративного действия. По этой причине

недостаточными оказываются классификационные признаки мультипликатива и итератива, предложенные В. С. Храковским: 1) единый временной период для множества актов одного и того же действия / отдельный временной период у каждого повторяющегося действия; 2) тождественность набора (конечного / бесконечного) актантов ситуации (см. работу [13]).

Основным признаком, по отношению к которому, на наш взгляд, различаются ситуации многоактного действия и ситуации простой повторяемости, является признак интервала и способы его выражения. Указанный признак входит в лексическое значение мультипликативного глагола и специально в высказывании не выражается. В ситуациях простой повторяемости значение интервала получает специальное выражение: непосредственное (лексические показатели) и опосредованное (показатели множественности объекта, кванторные определения, различные пространственные уточнители и т. п.). Поэтому только полный анализ конкретных высказываний позволяет определить с достаточной степенью точности семантический тип ситуации.

Ср. случаи безусловной (явной) многоактности:

Ветви граба на том берегу уже голые и висят в воздухе разорванной сетью; в ней, точно пойманный, *прыгает* желто-красный горный дятел — расудук, *стучит* черным носом по коре ствола, выгоняя насекомых, а ловкие синицы и сизые поползни — гости с далекого севера — *клюют* их (М. Горький);

И вот я стал замечать, что конь мой тяжелее *дышит* (М. Лермонтов);

— Чу! — тихо воскликнул Ефим. — *Кашляет...* (М. Горький).

Во всех приведенных выше примерах названное действие состоит из ряда актов, сменяющих друг друга.

Широко распространенным средством выражения многоактности является прерывисто-смягчительный СД:

Начал Абдул кричать на красного, залопотал так, что слюны изо рта брызжут. А красный только жмурится да языком *пощелкивает* (Л. Толстой);

— Вот бог послал свистуна, — говорила она вполголоса, — эк посвистывает, — чтоб он лопнул, окаянный басурман (А. Пушкин).

В то же время значение многоактности у данного СД сменяется значением простой повторяемости в тех высказываниях, где эксплицитно выражен временной интервал, что возможно лишь в ситуациях повторяющегося действия. В следующем примере на неопределенный интервал указывают лексические показатели *то и дело, время от времени*:

Макс Стюарт явно не в духе сегодня. Его *то и дело покалывает* какая-то подспудно сидящая в нем неприятная мысль, отчего сухое лицо американца время от времени раздражено, словно в тике, *подергивается*. Стюарт умеет владеть собой... Он с усилием загоняет неприятную мысль обратно, *похохатывает время от времени*, переключаясь на какие-нибудь сплетни (А. Каменев).

Указание на характер повторяемости (регулярный, частотный) может служить критерием разграничения многоактности и итеративности. Так, в следующих примерах передается значение простой повторяемости, тесно связанное со значением многоактности и в то же время определяемое с точки зрения регулярности — частотности:

Ночь... Чуть лопочут листвою березки в ограде, чуть поскрипывает ставня... И *мерно каплет* из рукомойника в таз (В. Шукшин); Когда они ушли, стало слышно, как шуршат тараканы, ветер возится по крыше и стучит за слонкой трубы, мелкий дождик *монотонно бьет* в окно (М. Горький).

Дифференциальными признаками, по отношению к которым определяются типы простой повторяемости, являются: а) одно-

родность / разнородность глагольного действия и б) единичность / множественность субъекта и объекта действия. Таким образом, при субкатегоризации признака простой повторяемости следует учитывать специфику глагольного действия, моно- / полипредикативность высказывания, а также дистрибутивность субъектной и объектной групп. О типах простой повторяемости см. [9; 11].

2. **Обычная повторяемость.** В значении обычной (узуальной) повторяемости отражается регулярное или нерегулярное, частотное или нечастотное повторение действия во времени: *По воскресеньям мы ездим за город; Он часто опаздывает.*

Обычная (узуальная) повторяемость — «это аспектуальное значение, выражающее регулярное и нерегулярное повторение действия во времени и в пространстве относительно к числу повторений и передаваемое средствами языка различных уровней» [8, с. 54–55]. Сходство данных ситуаций с ситуациями простой повторяемости состоит в первую очередь в том, что в обоих случаях актуализируется значение реальной повторяемости указанного действия, то есть в каждый момент своего осуществления повторяющееся действие занимает некоторую (определенную или неопределенную) точку (или период) на оси времени.

Различие между двумя типами повторяемости состоит в том, что ситуации простой повторяемости включаются в один неопределенно длящийся момент времени, в то время как в ситуациях узуальной повторяемости каждый из актов повторения характеризуется своим отдельным периодом (см. [12; 13]). Еще одно важное отличие обычной повторяемости от простой состоит в том, что в семантический потенциал первой, помимо семы реального действия, включается сема потенциального признака (см. [4]), то есть помимо основного значения неограниченной итеративности

рассматриваемые ситуации характеризуются и периферийным значением типичности.

Основанием для появления значения типичности является признак постоянства участников узуальной ситуации. В. С. Храковский отмечает, что «в общем случае речь идет не о референтном тождестве участников ситуации... а о концептуальном тождестве. Иными словами, тождество участников ситуации отмечается и в предложениях типа: *К соседям часто приезжают родственники. Я каждый раз покупаю себе новый костюм...* [12, с. 153].

Помимо конкретного субъекта и внешнего временного ограничения ситуации обычно повторяющегося действия обладают признаком интервала — обязательным семантическим компонентом значения повторяемости. (О семантике интервала см. работу [9].)

Принимая в качестве критерия дальнейшей субкатегоризации признак интервала, отметим, что сами интервалы между отдельными актами повторения могут быть нехарактеризованными и характеризованными (см., например, литературу [6, с. 53 и след.]). Характеризация интервалов может происходить двумя способами: 1) по признаку регулярности / нерегулярности и 2) по признаку частотности / нечастотности. Две пары этих признаков приводятся во многих работах, посвященных повторяемости, и в большинстве из них устанавливается зависимость признака частотности / нечастотности (Ч/НЧ) от признака регулярности/нерегулярности (Р/НР). Так, например, Е. Х. Люшинская и Г. И. Панова отмечают невозможность сочетания признаков Ч/НЧ с Р при нормальном взаимодействии Ч и НЧ с НР (см. работы [4; 6]).

Однако отношения между семантически признаками Р/НР и Ч/НЧ иные. Р/НР — признак, отражающий объективные свойства любого реально повторяющегося действия, а именно равномерность / неравномерность интервалов между повторяющи-

мися действиями. Вторая пара признаков — Ч/НЧ. Это субъективная характеристика действия, оценка его повторяемости (регулярной или нерегулярной) с точки зрения говорящего. Значение любого интервала может характеризоваться как частое или редкое. Таким образом, следует говорить о ситуациях нехарактеризованной и характеризованной повторяемости. Характеризованность повторяющегося действия может быть объективной, субъективной и объективно-субъективной.

К объективно-характеризованным относятся только ситуации регулярной повторяемости действия, которые обладают признаками определенности и равномерности интервала. Например: *В городе в полдень стреляет пушка* (Б. Сергуненков); *Ровно в тринадцать тридцать он появляется в кабинете* (С. Родионов). В первом из приведенных высказываний показателем равномерности интервала и определенной цикличности действия является существительное *полдень*; во втором — строгая равномерность интервала, указание на хронологическую точку (*тринадцать тридцать*) сопровождается усилительной частицей *ровно*, подчеркивающей точность в определении времени названного действия. То есть наиболее строгая закономерность в осуществлении действия, определенность и равномерность интервалов выражаются в том случае, если обозначаемое действие циклично уже по самой своей природе и совершается в определенные хронологические точки.

Ситуации объективно-субъективной характеризованности интервала представлены следующими разновидностями: ситуациями а) регулярно-частотного (*Мальчишка аккуратнейшим образом опаздывает каждый день на два, на три часа* (А. Чехов)); б) регулярно-нечастотного (*И теперь ты ходишь на работу два раза в неделю и коллег видишь редко* (С. Родионов)) и в) нерегулярно-нечастотного действия (*При-*

нимают они только иногда, в неопределенное время, за кулисами или садясь за ужин (А. Чехов)).

Субъективно-характеризованными являются ситуации а) собственно частотного и б) собственно нечастотного действия.

Ситуации собственно частотного действия обладают значением частотности (Ч): повторяемость действия получает субъективную характеристику. Это значение выражается только с помощью лексических средств. Как правило, это наречие *часто*: *Вера часто бывает у княгини* (М. Лермонтов). В некоторых случаях значение частотности, выражаемое указанным наречием, усиливается дополнительными обстоятельствами типа *очень*, *слишком* и т. п.: *Я злюсь очень часто, вот на них, на Ивана Федоровича особенно, но скверно то, что я всего добрее, когда злюсь* (Ф. Достоевский). В таких высказываниях при специальном выражении той или иной частотности действия остается невыраженной ввиду неактуальности их регулярность / нерегулярность. На этом основании такие ситуации и классифицируются в данной работе как собственно частотные.

В ситуациях собственно нечастотной повторяемости специальными лексическими показателями выражается пониженная частотность, редкое повторение действия, Р/НР которого остается невыраженной. Таким показателем является наречие *редко*, сочетающееся в некоторых случаях с дополнительными обстоятельствами типа *крайне*, *очень* и т. п. Ср.: *Пишу редко, господа почтенные, очень редко!* (А. Чехов); *Гость сказал, что столичные журналы попадают ему крайне редко* (Ю. Нагибин).

Таковы основные разновидности ситуаций характеризованной повторяемости. Более подробно о типах и разновидностях этих ситуаций см. в литературе [11].

В статье оказались рассмотренными и семантические типы кратности, и основные

средства выражения этого значения. Подведем краткие итоги.

Значение кратности в русском языке выражается следующими средствами (см. работу [14, с. 19]): 1) глаголами (предикатами) семантических классов, выражающих значения кратности (множественности); 2) сочетающимися с такими глаголами словами (и словосочетаниями), в лексическое значение которых входит признак кратности (множественности); 3) грамматическими категориями, которые используются для выражения значений данного семантического признака; 4) элементами контекста за пределами предложения, обеспечивающими однократное или многократное прочтение глагольной формы.

1. К первому компоненту плана выражения кратности относятся глаголы, обозначающие действия, которые локализируются во времени и по своей природе могут прерываться и возобновляться. К ним В. С. Храковский относит в первую очередь глаголы, обозначающие негомогенные (предельные) процессы: *строить (дом), писать (письмо), открывать (окно), выходить (из комнаты)*. Эти глаголы свободно допускают вопросы: *Как часто? Сколько раз?* и соответствующие ответы на них, т. е. без ограничений сочетаются с обстоятельствами, выражающими значение множественности: *К ней часто приходили командированные военные.*

2. Ко второму компоненту плана выражения кратности (множественности) В. С. Храковский относит показатели: а) цикличности (*каждую минуту, ежегодно, по субботам*), б) интервала (*редко, иногда, эпизодически, часто, то и дело, регулярно*), в) узуальности (*обычно, обыкновенно*), г) кратности, обозначающие точное или приблизительное количество повторений ситуации (*пять раз, раз пять*), либо оценивающие такое повторение, как многократное или малоократное (*неоднократно,*

несколько раз), д) комплексные (*три раза в день, несколько раз в год*).

3. Что касается третьего компонента, то В. С. Храковский отмечает, что «в грамматиках и аспектологических работах выделяются и описываются различные грамматические средства, которые используются для обозначения множественности ситуаций. В русском языке прежде всего отмечается форма НСВ, которая в соответствующем контексте может иметь неограниченно-кратное значение, т. е. обозначать неопределенное множество ситуаций: *Извозчики целыми днями таскали седоков из ресторана в ресторан* [14, с. 21].

К третьему компоненту относятся также и различные способы глагольного действия: многократный (*хаживать, сиживать, видывать*), многоактный (*громыхать, капать*), дистрибутивно-суммарный (*перетаскать, побросать*), кумулятивный (*наносить, набросать*) и др.

К числу грамматических средств выражения множественности В. С. Храковский относит глагольные формы *бывает / бывало, случается / случалось*. На наш взгляд, эти глаголы, называемые иногда особыми глагольными частицами, следует рассматривать во втором компоненте плана выражения кратности (множественности), так как признак неоднократности входит в структуру лексического значения указанных слов и не имеет отношения к их грамматическим особенностям.

4. Значение кратности (множественности) может выражаться и синтаксическими средствами за пределами простого предложения. Имеются в виду полипредикативные кратно-соотнесительные конструкции (КСК), которые реализуются прежде всего в сложноподчиненных (временных, условных, уступительных) предложениях, а также в сложных предложениях с парными союзами: *Когда где-нибудь лаяла собака, Джек вскакивал, сдергивал с Петьки одеяло и рычал*. КСК реализуются также в пред-

ложениях, осложненных деепричастными оборотами: *Глядя на восход или закат солнца, он вспоминал раскаленные докрасна железные балки того дома, в котором они с матерью раньше жили в Ленинграде.* (О КСК см. работу [3].)

О четвертом компоненте ФСП кратности (множественности), т. е. об элементах контекста, которые за пределами предложения обеспечивают однократное или неоднократное прочтение глагольной формы, по мнению В. С. Храковского, можно судить и по предложению *Мальчики ловят рыбу*, которое в одном контексте имеет конкретное, однократное прочтение:

Смотрите внимательно! Мальчики ловят рыбу, а в другом — неоднократное: *Что делают дети в лагере по вечерам? Мальчики ловят рыбу, а девочки шьют.* Типы контекстов, обеспечивающих различное прочтение неоднозначных предложений, нуждаются в дальнейшем изучении и систематизации. Точно так же дальнейшего изучения требует вопрос о референциальном статусе субъектных и объектных групп в таких предложениях.

Таковы формальные средства выражения значения кратности (множественности) глагольного действия (и шире — ситуации в целом).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарко А. В. Временная локализованность // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Таксис. Л., 1987. С. 210–233.
2. Бондарко А. В. Основы функциональной грамматики. Языковая интерпретация идеи времени. СПб., 1999.
3. Кюльмоя И. П. Структура и функционирование кратно-соотнесительных конструкций в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1985.
4. Люшинская Е. Х. Функционально-семантическое поле кратности глагольного действия в современном французском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1977.
5. Маслов Ю. С. К основаниям сопоставительной аспектологии // Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1978.
6. Панова Г. И. Выражение повторяемости действия в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1979.
7. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
8. Рощина Л. П. Способы выражения повторяемости действия в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1969.
9. Смирнов И. Н. Простая повторяемость как переходная зона между локализованностью и нелокализованностью действия во времени // Язык. Функции. Жизнь: Сборник статей в честь профессора А. В. Бондарко. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2000. С. 134–144.
10. Смирнов И. Н. Категория временной локализованности действия в современном русском языке. СПб., 2001.
11. Смирнов И. Н. Выражение повторяемости и обобщенности действия в современном русском языке. СПб., 2008.
12. Храковский В. С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45. № 2. С. 149–158.
13. Храковский В. С. Кратность // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987. С. 124–152.
14. Храковский В. С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Типология итеративных конструкций. Л., 1989. С. 5–53.

REFERENCES

1. Bondarko A. V. Vremennaja lokalizovannost' // Teorija funkcional'noj grammatiki: Vvedenie. Aspektual'nost'. Taksis. L., 1987. S. 210–233.

-
2. *Bondarko A. V.* Osnovy funkcional'noj grammatiki. Jazykovaja interpretacija idei vremeni. SPb., 1999.
 3. *Kjul'moja I. P.* Struktura i funkcionirovanie kratno-sootnositel'nyh konstrukcij v sovremennom russkom jazyke: Dis. ... kand. filol. nauk. Tartu, 1985.
 4. *Ljushinskaja E. H.* Funkcional'no-semanticheskoe pole kratnosti glagol'nogo dejstvija v sovremennom francuzskom jazyke: Dis. ... kand. filol. nauk. M., 1977.
 5. *Maslov Ju. S.* K osnovanijam sopostavitel'noj aspektologii // Voprosy sopostavitel'noj aspektologii. L., 1978.
 6. *Panova G. I.* Vyrazhenie povtorjaemosti dejstvija v sovremennom russkom jazyke: Dis. ... kand. filol. nauk. L., 1979.
 7. *Peshkovskij A. M.* Russkij sintaksis v nauchnom osveschenii. M., 1956.
 8. *Roschina L. P.* Sposoby vyrazhenija povtorjaemosti dejstvija v sovremennom russkom jazyke: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 1969.
 9. *Smirnov I. N.* Prostaja povtorjaemost' kak perehodnaja zona mezhdu lokalizovannost'ju i nelokalizovannost'ju dejstvija vo vremeni // Jazyk. Funkcii. Zhizn': Sbornik statej v chest' professora A. V. Bondarko / RGPU im. A. I. Gercena, kafedra russkogo jazyka. SPb., 2000. S. 134–144.
 10. *Smirnov I. N.* Kategorija vremennoj lokalizovannosti dejstvija v sovremennom russkom jazyke. SPb., 2001.
 11. *Smirnov I. N.* Vyrazhenie povtorjaemosti i obobschennosti dejstvija v sovremennom russkom jazyke. SPb., 2008.
 12. *Hrakovskij V. S.* Semanticheskie tipy mnozhestva situacij i ih estestvennaja klassifikacija // Izv. AN SSSR. Ser. lit. i jaz. 1986. T. 45. № 2. S. 149–158.
 13. *Hrakovskij V. S.* Kratnost' // Teorija funkcional'noj grammatiki. Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaja lokalizovannost'. Taksis. L., 1987. S. 124–152.
 14. *Hrakovskij V. S.* Semanticheskie tipy mnozhestva situacij i ih estestvennaja klassifikacija // Tipologija iterativnyh konstrukcij. L., 1989. S. 5–53.